

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Э.П. Пивоварова,

*доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института Дальнего Востока Российской академии наук (г.Москва)*

Главный смысл экономического прогресса состоит в достижении прогресса социального, т. е. в улучшении качества жизни людей. Осознание необходимости поддержания баланса экономических и социальных интересов для обеспечения социально-политической стабильности в обществе стимулировало в XX ст. эволюционные трансформационные процессы двойного рода. Так, уже в первой половине прошлого столетия развитый капиталистический мир в целях недопущения разрушительных социальных революций пошел на немыслимое ранее перераспределение богатства между трудом и капиталом в пользу труда, успешно дополнив собственную идею эффективной рыночной экономики рожденной социализмом идеей социальной защиты трудящихся.

История XX ст. доказала, что попытка достичь благосостояния и социальной справедливости путем революционных завоеваний доведенными до отчаяния своим положением людьми рано или поздно терпит крах, а там, где материальная и духовная культура получает высокое развитие, предпочтение отдается не революционному, а эволюционному пути развития.

В последнюю четверть ушедшего столетия социалистический мир, явно осознав, что проиграл соревнование с капитализмом в развитии производительных сил, направил свои усилия на создание ранее не вписываемых в социализм рыночных отношений, видя в этом единственно возможный и наиболее результативный способ создания реальной материальной основы для обеспечения социальной поддержки трудового народа.

И здесь опыт рыночных преобразований в странах, где долгое время осуществлялась централизованная административно-распределительная система управления народным хозяйством, показал преимущества постепенного, а не революционно-шокового вхождения в рынок.

«Во-первых, накормить народ, во-вторых, строить» – такая социально-экономическая формула была взята на вооружение в КНР в самом начале реформы. Но эту, казалось бы, простую и очевидную истину чрезвычайно сложно было осуществить на практике, так как очень трудно в условиях неразвитой экономики накормить народ, не занимаясь в первую очередь строительством.

Бедность и отсталость страны, усугубленная фактическим экономическим кризисом накануне реформы, не давала ей возможности направлять ресурсы на улучшение материального положения трудящихся в самом начале реформы.

Приятие грандиозной экономической программы по модернизации народного хозяйства не позволяло КНР создавать материальное обеспечение для увеличения доходов трудящихся иначе, как преимущественно за счет предоставления им большей свободы в распоряжении результатами своего труда и возможности заниматься самостоятельной предпринимательской деятельностью с использованием некоторых косвенных экономических рычагов (например, повышения закупочных цен) для поощрения этой деятельности.

Так начали спасаться от голода крестьяне наиболее бедных и отсталых районов, после чего семейный подряд быстро распространился во всех сельских регионах страны. Так стал набирать силы и город, где активное развитие единоличного и коллективного предпринимательства быстро улучшило положение дел в сферах общественного питания, розничной торговли, транспортных, строительных и прочих услуг. В итоге это явилось для государства наименее дорогим по затратам, но наиболее ценным по отдаче фактором, обеспечившим поддержку широкими слоями населения реформы и стабильности в обществе.

Анализируя в монографии «Теория и практика экономического строительства в

КНР» [1] 30-летний путь дореформенного китайского социализма, автор (книга была опубликована под псевдонимом Э. Корбаш) следующим образом определял в 1979 г. исходные позиции и возможное направление преобразований в ходе реформы: «Из-за длительного использования волюнтаристских методов в экономической политике в современном Китае сохраняется значительный разрыв между формальным и реальным обобществлением производства. Преодоление этого разрыва, судя по тенденциям в современной экономической политике, может пойти одновременно по двум противоположным направлениям: а) за счет подъема производительных сил страны; б) за счет снижения уровня обобществления производства путем оживления частного предпринимательства и элементов госкапитализма в различных формах». Считая, что «оба эти направления могут способствовать значительному улучшению экономической ситуации в КНР», Э. Корбаш высказал предположение, что возможным вариантом модели развития Китая станет «смешанная экономика» [1. С. 260, 263].

За 20 лет рыночных реформ в социально-экономическом строе КНР произошел достаточно решительный отход от традиционных идей социализма в сторону допущения не только единоличных, но и частных хозяйств, распределения не только по труду, но и по капиталу, формирования регулируемой на макроуровне рыночной экономики. За годы реформы Китай фактически создал «смешанную экономику», а назвал ее социализмом (хотя и с китайской спецификой), по нашему мнению, в немалой степени по причине близости китайским традициям идеей социальной справедливости и коллективизма.

Следует отметить, что концепция «социализма с китайской спецификой» существенно отличается как от традиционных представлений марксизма, так и от ленинских идей НЭПа.

Нынешние представления китайских ученых о допустимости сосуществования при социализме социалистических и не социалистических форм хозяйства вовсе не совпадают с высказанными при жизни Ленина идеями новой экономической политики о пусть очень медленном, но все же вытеснении единоличных собственников из социалистического общества. Характерно, что «целая историческая

эпоха», необходимая для этого вытеснения, определялась в то время максимальным сроком в «одно-два десятилетия» [2].

Позиции китайских ученых, называемые «прорывом» в теории вопроса о развитии при социализме многообразных по формам собственности типов хозяйств, заключаются в том, что плюрализм в формах собственности признается ими не только как неизбежная черта начального этапа социализма, продолжительность которого измеряется примерно столетием, но и как, по всей видимости, необходимая для удовлетворения многообразных потребностей человека данность любого общества вообще. То есть не только общественные, но и традиционно рассматривавшиеся как не социалистические, типы хозяйств вписаны в модель «социализма со спецификой Китая».

В КНР еще в дореформенный период внимательно изучался опыт организации социальной защиты трудящихся в таких развитых капиталистических странах, как Швеция, Англия и другие, и при этом делались выводы о ее несомненной эффективности, что стимулировало уже первые шаги рыночных преобразований в стране.

В стратегии социально-экономического развития КНР, обрисованной в общих параметрах до середины XXI ст., очень постепенно расширялся круг социальных задач, на решении которых надо сосредоточиться в тот или иной период. Восхождение намечалось от первоочередного решения самых острых, не терпящих отлагательства проблем (предотвратить голод, накормить и одеть народ по самым скромным меркам), к задачам улучшения качества жизни (накормить в достатке, улучшить жилищные и транспортные условия, разнообразить услуги, повысить уровень образования и медицинского обслуживания, активизировать работу по укреплению духовной культуры, осуществляя бескомпромиссную борьбу с растущим в ходе рыночных преобразований нравственным разложением в обществе и государственном аппарате и т.д.).

Учет главной специфики китайского общества – колоссальной численности населения при ограниченности финансовых и материально-технических ресурсов – выразился в определении и длительных временных сроков для улучшения жизни народа, и скромных

параметров, закладываемых в понятие благосостояния, и самого характера и источников модернизации.

Назвав развитие производительных сил центральной задачей и одновременно критерием оценки экономической политики государства, фактически сняв при этом какие бы то ни было ссылки на социальные ограничители, китайское руководство, тем не менее, на практике обеспечило решение этой задачи в интересах народа:

во-первых, переориентацией в начале реформы усилий на производство потребительских товаров и услуг (быстрый рост сельского хозяйства, легкой промышленности, сферы услуг);

во-вторых, сосредоточением на проблемах трудоустройства (активное развитие поглощающих избыточную рабочую силу деревни поселково-волостных предприятий, создание индивидуальных и коллективных хозяйств, сдерживание реализации принятого закона о банкротстве предприятий из-за боязни массовой безработицы в городах);

в-третьих, действиями в направлении повышения качества работников как главной производительной силы общества (улучшение системы образования и профессиональной подготовки, заимствование зарубежного опыта управления производством и подготовки кадров) и т.п.

Безусловно, многие элементы такого китайского опыта могли быть полезными для России на начальных этапах хозяйственной реформы, но явно запоздали в условиях последовавшего за так называемым либеральным обвалом глубокого кризиса экономики. Тем не менее ряд уроков хозяйственной реформы КНР возможно и целесообразно учесть и сегодня. Среди них:

- необходимость макрорегулирования государством рыночных процессов в стране, в первую очередь налогов и инвестиций;

- достаточность для стимулирования крестьянского труда получения ими длительного (часто пожизненного с передачей в наследство) права пользования землей (без получения права собственности на нее);

- эффективность стимулирования с помощью гибких экономических, а также некоторых административных мер в первую очередь отечественного производителя (в том

числе мелкого), работающего на внутренний рынок, а также на экспорт;

- важность поддержания баланса экономических и социальных интересов, усиления бремени рыночных преобразований для населения.

Как показала китайская практика, последнее обстоятельство стало решающим фактором сохранения социально-политической стабильности в стране, а также поддержки Правительства народом на протяжении долгих лет реформы.

Ответ на вопрос о социальных последствиях рыночных преобразований в КНР требует обращения к исходным позициям и тенденциям развития. Исходные позиции – это опыт социализма с жесткими административными ограничителями в хозяйственной деятельности, но в то же время с необычайно важными для человека (тем более в отсталой стране с громадным населением) социальными гарантиями в отношении обеспечения работой, определенным прожиточным минимумом, услугами здравоохранения, образования и т.п. Все это входит в противоречие с законами рыночной экономики, по которым достижение эффективного хозяйствования предполагает лишь условия конкурентной борьбы, вытеснение слабого сильным и наиболее дееспособным.

Поэтому в период первоначального накопления экономической мощи, которое происходит в странах, пока еще только переходящих к рыночной экономике, некоторые потери прежних социальных гарантий и оттеснение на второй план проблем обеспечения социальной справедливости неизбежны. При этом степень социальной защищенности трудящихся в том понимании, которое сформировал предшествующий опыт социалистического строительства (в первую очередь через фонды общественного потребления), снижается.

Признавая неизбежность некоторых социальных потерь при переходе к рынку, нельзя, однако, не задаваться вопросом об их величине и оправданности. О последней, очевидно, можно говорить лишь постольку, поскольку вносимая в ходе реформирования социальная плата оказывается сопоставимой с достижениями в повышении эффективности производства, служащей в конечном счете росту народного благосостояния.

На протяжении более 20 лет Китай осуществлял рыночное вхождение в XXI ст. «мягкими средствами», без тех крупных социальных потерь, которые понесли другие страны: не было ни обвальных либерализации экономики и роста цен, ни гиперинфляции, ни катастрофического ухудшения материального положения населения, ни полного разрушения факторов его социальной защищенности.

Создание субъектов рынка осуществлялось в Китае не путем разрушения государственных структур, а, главным образом, через заполнение имеющихся брешей за счет развития многообразных по формам собственности типов хозяйств (коллективных, единоличных, частных, совместных китайско-иностранных). Это не только обеспечивало быстрый рост числа субъектов рынка, но и, благодаря изменению структуры народного хозяйства по формам собственности, корректировало структуру инвестиций и производства в направлении приближения ее к реальным потребностям народа.

В результате КНР стала одной из немногих стран, где вносимая в ходе рыночного реформирования экономики социальная плата (имущественная дифференциация, не полностью гарантированная занятость, замена прежних бесплатных социальных услуг системой долевого участия государства, предприятия и самих граждан в оплате образования, здравоохранения, жилья и т. п.) оказалась посильной для населения; качественные параметры его жизни постепенно, но верно улучшались на протяжении всех лет реформы.

Именно на основании этого следует в первую очередь говорить о рыночной реформе в КНР как о социально ориентированной. Отрицание социально ориентированного характера китайской реформы некоторыми нашими и западными учеными, которые ссылаются на низкие среднесдушевые показатели ВВП в КНР или на ряд статистических стандартов международных организаций, абсолютно некорректно и делается ими без учета всей совокупности прежних и нынешних социально-экономических реалий страны.

Само понятие «ориентированность» в переходной экономике говорит о направленности преобразований, а не о степени богатства страны. Главные же результаты рыночных преобразований в китайском обществе – улучшение в огромной и гипернаселенной стране жизнен-

ных условий почти всех слоев населения, увеличение в 4-5 раз реальных доходов трудящихся, заметное повышение качества жизни.

Во второй половине 90-х годов при относительно стабильных ценах на товары широкого потребления все резко стал обозначаться дисбаланс между потребительским спросом и предложением, часто не вполне верно называемый снижением покупательной способности китайского населения. В действительности, имела место реакция населения на многие социальные нововведения хозяйственной реформы в КНР, связанные с постепенной заменой прежних бесплатных государственных услуг системой долевого участия (государство – предприятие – гражданин) в получении жилья, образования, медицинской помощи, в страховании, пенсионном обеспечении и т. п. Именно поэтому люди стали предпочитать не тратить, а накапливать средства на возможные предстоящие нужды, в результате чего много выросли сберегательные вклады городского и сельского населения (остаточная сумма личных банковских сбережений выросла за 20 лет реформы более чем в 250 раз, в том числе только за 90-е годы – более чем в 7 раз) [3. С. 78].

Пытаясь повлиять на сложившуюся ситуацию, Правительство КНР в 1999 г. приняло ряд мер, направленных на увеличение трат населения: выпуск госзаймов, неоднократное снижение банковского процента по вкладам, введение налога на банковский процент, повышение заработной платы рабочим рентабельных предприятий и т. п.

В течение последних двух лет эти меры привели к определенному оживлению рынка за счет роста потребительских расходов граждан. Тем не менее у населения увеличивается страх перед возможными масштабами уже вполне обозначившихся направлений реформы социального обеспечения на перемещение части нагрузки на самих граждан, и люди предпочитают сохранять и по возможности увеличивать свои накопления даже под невысокий банковский процент.

Характерно, что и в условиях нарастающих социальных трудностей в КНР продолжается рост реальных доходов трудящихся. Согласно официальным данным, фактический рост средних доходов рабочих и служащих в городах и поселках составил 6,4% в 2000 г. и 8,5% в 2001 г., крестьян – соответственно 2,1 и

4,2%. Только в 2001 г. число бедняков на селе сократилось на 4 млн чел. [4].

Поскольку реформа затронула основу всей экономической деятельности страны – отношения собственности, уже к середине 80-х годов реальностью стало легальное развитие не только индивидуальных, но и частных хозяйств, распределение не только по труду, но и по капиталу, теоретическую и практическую основу обрел госкапитализм.

Отказавшись от мышления категориями классового антагонизма, в КНР, по существу, сделали ставку на допущение всего, что работает на создание могучего и богатого государства, но ради защиты интересов трудящихся сохранили идею социального контроля над производством.

За годы хозяйственной реформы в стране не только определился принципиально иной, чем прежде, подход к развитию отношений собственности, но и сформировалась многоукладная структура экономики.

Необычайный динамизм развития новых типов хозяйств, обусловленный вначале процессом стихийных новообразований, а затем и санкционированным государством поиском наиболее эффективных вариантов организации производства, имел своим следствием существенную эволюцию структуры экономики КНР по формам собственности.

Подчеркнув, что основу социалистической экономической системы Китая составляет социалистическая собственность на средства производства, принятая в декабре 1982 г. на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва Конституция КНР определила положение и роль различных секторов народного хозяйства: государственного, основанного на общенародной собственности, кооперативного, базирующегося на коллективной собственности трудящихся масс, индивидуального хозяйства городских и сельских тружеников, а также совместных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале.

Исходя из действительности, характеризовавшейся быстрым перерастанием индивидуальных хозяйств в частные, состоявшийся в октябре 1987 г. XIII съезд КПК поставил задачу в кратчайшие сроки разработать политику и законы о частном хозяйстве. В соответствии с этой задачей, на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва (апрель 1988 г.) было принято дополнение к

11-й статье Конституции КНР, а в июне 1988 г. Госсовет опубликовал Временные положения о частных предприятиях КНР.

Характерно, что если вначале индивидуальные и частные хозяйства, получившие правовой статус в КНР, рассматривались как «важное дополнение к социалистической экономике», то на XV съезде КПК в 1997 г. речь о них пошла не просто как о «дополнении» к занимающему ведущие позиции общественному сектору, а как о «важной составной части» народного хозяйства, а общий новый подход был сформулирован как «совместное развитие разных секторов многоукладной экономики при доминирующем положении общественной собственности» [5].

В соответствии с поправками к Конституции КНР, внесенными на 2-й сессии ВСНП 9-го созыва в марте 1999 г., государство поддерживает экономическую систему, при которой общественная собственность (государственная и коллективная) доминирует, а другие формы собственности развиваются параллельно. Необщественный сектор экономики, включающий индивидуальные и частные хозяйства, является важной составляющей социалистической рыночной экономики, деятельность которого государство должно контролировать, а законные права и интересы – охранять [6].

Помимо государственных, коллективных, единоличных, частных хозяйств, в КНР создавались хозяйства смешанного типа, паевые и акционерные, предприятия с иностранными инвестициями, причем чаще всего фигурирующий в статистике показатель «другие типы хозяйств» или «прочие уклады» объединяет данные по всем этим новообразованиям, свидетельствуя, тем не менее, о быстром и существенном изменении структуры экономики КНР по формам собственности.

Если в 1980 г. в валовой продукции промышленности страны на долю государственного сектора приходилось 76%, коллективного – 23,5, единоличного – 0,15, других типов хозяйств – 0,5%, то в 1988 г. эти показатели равнялись соответственно 56,85; 36,1; 4,4; 2,7%, в 1997 г. – 26,5; 40,5; 15,9; 17,1%, в 1998 г. – 28,5; 38,3; 18,9; 19,9% [3. С. 9; 7. С. 9]. В последующие 3 года существенных изменений в структуре экономики Китая по формам собственности не произошло, но продолжение динамического ряда

затруднено некоторыми нововведениями в системе учета и градации предприятий.

Говоря о заметном сокращении позиций общественной собственности в статистических показателях и в то же время подчеркивая сохранение за ними ведущего места в народном хозяйстве, экономисты КНР обращают внимание на разъяснение XV съезда КПК о том, что общественная собственность включает не только государственный и коллективный секторы, но и государственные и коллективные компоненты в хозяйствах смешанных форм собственности. А поскольку доли этих компонентов, например, в акционерных предприятиях довольно велики (75–80%), ведущие позиции общественной собственности в экономике КНР выглядят более внушительно, чем если судить о них лишь по заметно сократившемуся удельному весу государственного сектора в общих показателях производства.

Доминирующее положение общественной собственности в экономике обеспечивается, по мнению китайских ученых, в том случае, если, во-первых, фонды общественной собственности занимают преимущественное место в совокупных общественных фондах; во-вторых, государственный сектор сохраняет командные позиции и ведущую роль в народном хозяйстве; в-третьих, при соблюдении первых двух положений в масштабе всей страны, допускаются различия только в отдельных отраслях и регионах.

Как подчеркивалось на XV съезде КПК, где были учтены некоторые рекомендации китайских ученых, государственному сектору должно отводиться «господствующее место в жизненно важных отраслях и ключевых сферах народного хозяйства», следует усиливать его контрольные функции и конкурентоспособность, а «при наличии такой предпосылки некоторое уменьшение удельного веса государственного сектора не повлияет на социалистический характер Китая» [5].

Аргументами за необоснованность возникающих опасений по поводу того, что быстрое развитие в последние годы негосударственных форм хозяйства потеснит с ведущего места общественную собственность, стали у экономистов следующие:

- среди создаваемых в стране акционерных предприятий лишь небольшое число образовано частными инвесторами, а в большин-

стве своем это смешанные компании, где государству и коллективным юридическим лицам принадлежит контрольный пакет акций, а потому они носят общественный характер;

- все шире распространяется возникающая в ходе реформы акционерно-кооперативная форма хозяйственной деятельности, объединяющая усилия и капиталы трудящихся, т.е. явно обладающая атрибутами общественной собственности;

- огромное значение для выявления доминирующей роли экономики общественной собственности приобретает сектор коллективной экономики, воплощающий принцип совместного достижения зажиточной жизни всеми членами коллектива, выступающий хорошей формой аккумуляции распыленных денежных средств, смягчающий напряженность с трудоустройством, увеличивающий общественные накопления и налоговые поступления [8].

На практике в последнее время активнее стали разрабатываться меры по уравниванию в правах негосударственных секторов экономики с предприятиями общественных форм собственности в получении кредитов, субсидий, налоговых льгот и т.д.

В выступлениях китайских ученых последнего времени при характеристике места и роли различных хозяйственных укладов страны стала подчеркиваться необходимость «качественного», а не «количественного» подхода к пониманию «доминирующего» положения общественной собственности. С новыми постановками этих вопросов китайские экономисты связывают актуальность дальнейшего реформирования в КНР отношений собственности.

Закономерным следствием развития различных по формам собственности типов хозяйств стало существенное изменение социальной структуры китайского общества. Если в дореформенном Китае выделялись лишь класс рабочих, класс крестьян и слой интеллигенции, то сегодня китайское общество отличается намного более плюральной структурой, в которой ученые КНР разграничивают крупные социальные общности (группы, сословия, слои), пока еще только формирующиеся, имеющие довольно расплывчатые контуры, но уже обозначающие ту основу социально-трансформационной структуры китайского общества, которая будет меняться, как считают они, лишь по размерам отдельных ее

составляющих. Сегодня ученые Китая различают в стране 5 крупных социально-экономических образований (сословий) и 10 социальных слоев.

В тех случаях, когда за основу социального деления общества берется род занятий с учетом организационных, материальных и культурных возможностей людей, выделяются 10 социальных слоев.

1. Управляющие государством и обществом, удельный вес которых в социальной структуре общества составляет 2,1% и которые занимают самое высокое место в общественно-политической системе страны.

2. Хозяйственные руководители (1,5%), как правило руководители крупных и средних предприятий, являющиеся наиболее активными проводниками рыночных преобразований.

3. Частные предприниматели (0,6%). Добиваясь высоких прибылей, они занимают весомое экономическое положение при пока неадекватном ему политическом весе.

4. Профессиональные научно-технические работники (5,1%), являющиеся наиболее важной силой и опорой общества, оказывающие существенное влияние на его стабильность.

5. Занимающиеся текущей административной работой чиновники (4,8%), которые обладают важным для общества организационным потенциалом.

6. Единоличники (4,2%). Их вложения в сферы производства, обращения, услуг и пр. являются мощным подспорьем для рыночных реформ.

7. Работники торговли и сферы услуг (12%). Они наиболее тесно связаны с такими новыми явлениями в жизни реформенного периода, как образование новых городов и поселков.

8. Производственные рабочие (22,6%), среди которых значительную долю (до 30%) составляют выходцы из крестьян. Их социально-экономическая, а особенно политическая, роль относительно дореформенного периода явно уменьшилась.

9. Крестьяне, самый многочисленный, но наименее организованный и наиболее слабый в материальном и культурном отношении слой, а потому играющий сравнительно незначительную роль в политической жизни страны.

10. Имеющие непостоянную работу и безработные (3,1%), количество которых, вопре-

ки данным официальной статистики, заметно растет в последние годы, составляя главную проблему для дальнейших рыночных преобразований и социально-политической стабильности в стране [9; 10. С. 9].

Руководствуясь такими основополагающими политическими, экономическими и социокультурными критериями социальной стратификации общества, как объем властных и управленческих функций, размер имущества и доходов, профессиональный и образовательный уровень, но беря при этом за основу имущественное положение граждан, в современном Китае различают 5 крупных социальных слоев (в самое последнее время их стали определять как крупные социально-экономические сословия в стране):

- верхний (высокопоставленные правительственные чиновники, руководители крупных государственных предприятий и акционерных компаний, ответственные работники банков, высокопрофессиональные специалисты, владельцы крупных частных предприятий и т. п.);

- выше среднего (кадровые работники среднего управленческого звена в государстве и на крупных предприятиях, хозяйственные руководители средних и малых предприятий, кадровые работники совместных предприятий, владельцы средних предприятий и т. п.);

- средний (технические специалисты, научные работники, преподаватели учебных заведений, работники культуры и искусства, владельцы единоличных промышленных, торговых предприятий, крупных специализированных крестьянских дворов и т. п.);

- ниже среднего (работники индивидуальных предприятий, сферы торговли, службы быта, рабочие, крестьяне и т. п.);

- нижний (малоимущие и недостаточно обеспеченные работой рабочие, крестьяне, потерявшие работу, безработные и т. п.).

Кроме того, особо выделяется «слой вредных для общества криминальных элементов», достаточно широко представленных во всех социальных слоях [10. С. 9; 11].

В Академии общественных наук Китая проделана огромная работа по выявлению различных социальных образований китайского общества, определению численности каждого из них, особенностей, места и роли в жизни страны. Такая работа, по мнению китайских

ученых, должна способствовать выработке руководством КНР мер по регулированию существенно обострившихся за последние годы проблем имущественной дифференциации, а главное – занятости населения.

Характерно, что исследования китайских ученых по социальной трансформации общества в результате рыночных реформ во многом сходны с современными исследованиями ведущих социологов нашей страны [12].

Подавляющую часть в нынешней социальной структуре китайского общества занимает слой «ниже среднего», представленный главным образом людьми физического труда (около 70% занятых, т. е. примерно 480 млн чел., из которых 120 млн – рабочие, 330 млн – крестьяне). К нему примыкает «нижний» слой – в основном бедняки города и деревни (примерно 14% занятых, т. е. порядка 100 млн чел., среди которых 60 млн – крестьяне, 30 млн – волостно-поселковые жители, 10 млн – горожане). В этом заключается специфика страны, хотя и достигшей за годы реформы огромного прогресса, но все еще остающейся бедной и отсталой по уровню экономического развития.

В слое «выше среднего» (примерно 4% занятых, т. е. около 30 млн чел.) и в «среднем» (около 12% занятых, т. е. свыше 80 млн чел.) – самый большой (относительно других слоев) удельный вес интеллигенции (в первом – 1%, во втором – более 35%). «Верхний» же слой, представленный главным образом людьми, занимающими наиболее важные посты в системе государственного управления, формирует лишь верхушку пирамиды китайского общества (это примерно 1% занятых, т. е. около 7 млн чел.) [11; 13].

Сложившаяся социальная структура является довольно подвижной, подверженной влиянию как внутренней, так и международной конъюнктуры. Углубление с середины 90-х годов рыночных преобразований путем более решительного, чем ранее, вторжения их в государственный сектор привело к заметным перемещениям, особенно в средних слоях китайского общества.

Произошло снижение статуса тех, кто оказался жертвой начавшего осуществляться на много масштабнее, чем ранее, банкротства убыточных предприятий и пополнил армию безработных или «ожидających повторного трудоустройства». В отличие от первой полови-

ны 90-х годов, когда доходы среднего слоя росли и часть его представителей с оптимизмом смотрела на возможность повышения своего статуса в общественной иерархии, к концу 90-х годов некоторой части их, напротив, пришлось спуститься на ступень-другую социальной пирамиды китайского общества.

Определенным образом на имущественное и властное положение ряда слоев (потеряны – для одних, прибылями – для других) повлиял и азиатский финансовый кризис.

В то же время в конце 90-х годов существенно повысился статус высшей интеллигенции, многократно увеличились доходы и престиж тех, кто готовит поколение образованных людей.

Анализ выдвинутых в конце 2000 г. предложений по развитию народного хозяйства КНР в 10-й пятилетке (2001–2005 гг.) свидетельствует, на наш взгляд, о том, что уже в начале XXI ст. Китай главную ставку делает на подготовку (в стране и за рубежом) высококвалифицированных кадров, обладающих самыми современными знаниями в области управления, высоких технологий, информатики, банковского дела, связей с внешним миром и т. п.

Такая экономическая политика, в основу которой сегодня, по существу, заложен принцип «кадры решают все», может стать отправным моментом не только качественного улучшения социальной структуры китайского общества и сохранения социально-политической стабильности, но и дальнейшего социально-экономического прогресса в стране.

Дестабилизирующим общество фактором стала быстро обозначившаяся уже с началом реформы имущественная дифференциация различных категорий населения, которая все труднее поддается реальной оценке ввиду наличия и быстрого роста в доходах граждан доли часто не учитываемых источников получения средств.

Поскольку доходы от факторов капитала растут заметно быстрее, чем от факторов труда, сохранение доминирующего положения общественной собственности, внутри которой расслоение на бедных и богатых легче поддается контролю и регулированию, рассматривается учеными страны как главная преграда поляризации в китайском обществе.

На практике принимаются меры по сдерживанию быстрого роста заработной платы в

отдельных сферах деятельности, уменьшению перерационального разрыва в оплате труда, подъему нижней границы доходов и оказанию помощи наиболее бедным категориям населения, повышению уровня гласности в распределении и т.п.

В последнее время китайские ученые все чаще поднимают тему об имущественной дифференциации в обществе и даже задаются вопросом, «в чьих руках находится богатство Китая». Поскольку прямые данные на этот счет в официальной статистике отсутствуют, некоторые исследователи делают самостоятельные расчеты. По ряду таких оценок, в частных руках граждан (если суммировать денежные вклады, ценные бумаги и недвижимость) примерно в 3 раза больше средств, чем у государства. Но государство остается безусловным обладателем основного богатства страны благодаря тому, что сохраняет в своих руках землю и другие природные ресурсы [14].

Самым серьезным дестабилизирующим фактором в последние годы становится ускорившийся рост безработицы в связи с более решительным, чем раньше, вторжением рыночных преобразований в государственный сектор.

Реальным способом ликвидации убыточности крупных и средних государственных предприятий становится целенаправленное сокращение числа занятых на них, а также ужесточение борьбы с хроническими должниками путем более строгого соблюдения правил о банкротстве, принятых соответствующим законом еще в 1986 г. В итоге со второй половины 90-х годов резко увеличилось число зарегистрированных банкротств и количество уволенных с государственных предприятий. Как сообщалось на 5-й сессии ВСНП 9-го созыва в марте 2002 г., коэффициент зарегистрированной безработицы в городах достиг в 2001 г. 3,6% и ставится задача, чтобы к концу 2002 г. он не превысил 4,5% [15].

Главным способом противодействия росту безработицы в последние годы стала разработка и реализация на общегосударственном уровне программы повторного трудоустройства. Надежды на создание дополнительных рабочих мест связываются также с расширением сферы услуг и более энергичным созданием небольших предприятий, оснащаемых

современным, но не сверхсовременным оборудованием.

Постепенный рост безработицы в процессе рыночных преобразований создавал массу проблем по выплате пособий по безработице все годы реформы. С середины же 90-х годов данная проблема стала одной из наиболее серьезных, влияющих не только на материальное благополучие, но и на настроение людей.

Несмотря на то, что попавшие под сокращение работники госсектора получают пособие сроком до двух лет (на практике этот срок часто продлевается) в размерах, приближенных к минимальной зарплате, в последнее время ширится «тоска» по тем дореформенным временам, когда доходы не увеличивались, но зато безработицы не было. Отсюда – рост на местах пропаганды прежних, «переформированных» идей социализма.

Можно надеяться, что долгий опыт китайских реформ, когда при самых неблагоприятных ситуациях преодолевались, казалось бы, непосильные трудности в бедной и гипернаселенной стране, поможет китайскому руководству решить и проблему безработицы, ставшую сегодня самой болезненной точкой для социально-экономического развития КНР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корбаш Э. Теория и практика экономического строительства в КНР. М.: Наука, 1981.
2. Ленин В.И. ПСС. Т.43. С. 329–330; Т.45. С. 440–441.
3. Чжунго тунци чжайяо. 1998.
4. Цзинци жибао. 2001. 1 марта.; 2002. 18 марта.
5. Жэньминь жибао. 1997. 22 сент.
6. Жэньминь жибао. 1999. 17 марта.
7. Чжунго тунци чжайяо. 1999.
8. Цзинцзистюэ дунтай. 1997. № 10. С. 5–6.
9. Бейцзин ваньбао. 2001. 13 дек.
10. Дандай Чжунго шэхуэй цзецэн яньцзю баогао. Пекин, 2002.
11. Чжунго шэхуэй кэсюэ. Сянган, осенний выпуск, 1999.
12. Общественные науки и современность. 1997. № 2. С.5, 9, 12; 2000. №1. С. 15; 2000. № 3. С. 5–7; Общество и экономика. 1999. № 3–4. С. 21–22
13. Цайцзин жибао. 1999. 13 окт.
14. Синь цзинци. 2001. № 1.
15. Цзинци жибао. 2002. 18 марта.